

Светлана АНАНЬЕВА,
Куралай ТАТТИМБЕТОВА

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ С ПУШКИНСКОЙ ДОРОГИ

Пушкин и Казахстан... Пушкин и Абай...

Имена двух гениев – «словно визитные карточки двух великих культур, двух народов, исторически и объективно обреченных жить в добром соседстве, в дружбе и мире» [1, с. 183], – так образно и символично пишет Саутбек Абдрахманов.

Геннадий Доронин очерк «По Пушкинской дороге» начинает вроде бы с очевидного, но не так часто декларируемого пушкинистами: Болдинская осень начиналась на берегах Урала.

В записной книжке А. С. Пушкина сохранилась карандашная запись отрывка песни «Из Гурьева-городка». Записал поэт и шедевр казахского фольклора – поэму «Козы-Корпеш и Баян-Суду».

По Пушкинской дороге, размышляет Г. Доронин, «это не обязательно только по пушкинским местам. Пушкинская дорога всюду, где читают его стихи, где бьет живительный родник поэзии, тот самый заветный Кастанальский ключ...». Осенью в Уральске и Оренбурге проходят поэтические вечера, литературные конференции. Литераторы и журналисты отправляются по пути следования великого русского поэта от Оренбурга до Уральска. Участникам поездки необходимо «прикоснуться душами к той самой пушкинской ауре, полюбоваться неповторимой природой Приуралья, поглядеть на полыхающие осенним костром закаты над Уралом, на спорящие с ними краски прибрежных кущ...» [2, с. 15].

Теплые, искренние, благодарственные слова высказывает Г. Доронин в адрес своих земляков, сохраняющих память о пребывании русского поэта в городе и окрестностях. Известный прозаик и журналист цитирует высказывание Бориса Модзалевского, одного из основателей Пушкинского дома, о том, что по пути в Оренбург, «а значит, и Уральск, Пушкин заехал в Ярополец, к теще, и нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила ему отобрать нужные книги. Он с восторгом пишет жене: “Я отобрал их десятка три, которые к нам прибудут с вареньем и наливками. Таким образом, набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен”» [2, с. 18]. Можно предположить вслед за Г. Дорониным, что Пушкин, «подлинный библиофил», и на берегах Урала интересовался книгами. «Вполне возможно, что ему показывали одну из рукописных книг яицких казаков. Совсем не редкостью были такие книги, огромные, в бархатных переплетах, и в эти книги заносились день за днем семейные, станичные события, случаи из боевых походов» [2, с. 19].

Смысл как основополагающая константа является главным в художественных и публицистических текстах Г. Доронина. Повествовательными стратегиями казахстанский автор владел мастерски. Его творчество – яркий пример того, что «нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному» [3, с. 275].

Предлагаем пройти по дороге Геннадия Доронина... Что он оставил нам, о чем предостерегал, над чем приглашал задуматься?

Интересным и серьезным прозаиком, достойно представляющим современную казахстанскую литературу, считал Геннадия Доронина Гадильбек

Шалахметов, акцентируя внимание на его публицистике, которая способствовала пропаганде казахской культуры, утверждению казахстанского патриотизма, сохранению межнационального согласия в стране.

Впечатляет многообразие романских жанров в творчестве Геннадия Доронина: роман «Остров», имеющий подзаголовок «роман путешествий и приключений», Вера Савельева называет «неромантической утопией», «Реальность номер один» – романом-пародией. Сатирический роман «Высокая эротика катастроф» – «мизантропическим романом без героя». Раздел С. Ананьевой и В. Савельевой «Русская литература» коллективной монографии «Современная литература народа Казахстана» невозможно было представить без обращения к прозе Г. Доронина.

Современные исследователи в истории русской литературы выделяют два крупных проблемно-тематических блока: литература русского зарубежья и русская литература, создаваемая в России. Русскую литературу, развивающуюся вне территории России, называют «русской нероссийской», «зарубежной русской», «международной». Русский писатель Казахстана работает на скрещении разных культур и потому имеет некоторое преимущество перед своими зарубежными собратьями. На это указывали Николай Ровенский, Виктор Бадиков, Мурат Ауэзов.

Роман «Жизнь и смерть Буратино, человека без рода и племени» Г. Доронина, который был подарен одному из авторов данных строк в Астане, в редакции газеты «Казахстанская правда» (это отдельная страница в творческой биографии русского писателя Казахстана. – С. А., К. Т.), «можно назвать условным романом, так как в нем действуют персонажи, носящие имена Буратино, Карло, Мальвина, Пьеро, Карабас, Снегурочка и другие. Перед нами сказка, события которой продолжаются по жизненному сценарию нашего времени. Роман состоит из отдельных историй, хронологически не связанных. Их объединяет только один герой и антигерой – Буратино. Становясь героем нашего времени, Буратино соединяет в себе узнаваемые черты деревянной куклы (“Буратино часто называли дубом, но это не соответствовало истине. Он был из другого дерева”) и маленького человека, почти раздавленного эпохой перемен, но и одержимого гамлетовскими вопросами. Этот образ имеет двойную сердцевину, включающую равновеликие, но разнородные начала: шутовское и серьезное, реальное и фантастическое, глупое и умное, социальное и асоциальное” [4, с. 113].

Оригинальность и остроумие автора в том, что роман написан на пересечении разных эстетических координат. Г. Доронин экспериментирует и вводит в роман тексты, написанные самим героем. Рассказы его порой сюрреалистичны.

В прозе Г. Доронина важную роль играет диалог, именно он часто определяет сюжетную динамику, когда описания становятся стоп-кадрами, что говорит о кинематографичности прозы и интермедальности творчества прозаика. Тема необратимого и исчезающего времени – главная в прозе Г. Доронина. Писатель А. Тарази так выразил свое впечатление от чтения его произведений: «Удивительный эффект содержится в его книгах: вроде бы рассказы его порой мрачные, но через какое-то время приходит впечатление от них свежее, жизнеутверждающее. Появляется как бы вопреки всему самое настоящее жизнелюбие».

О школьных друзьях, друзьях детства, настоящих, искренних, верных – рассказ Г. Доронина «День рождения», опубликованный на страницах хрестоматии «Казахстан в моей судьбе» (в двух томах), изданной Институтом литературы и искусства имени М. О. Ауэзова. Второй том хрестоматии издан в год 75-летия Великой Победы. Историческое время, современность раскрываются мастерами художественного слова через судьбы героев в контексте диалога

и полилога национальных литератур. Родной дом, родной очаг, свет отчего дома, нравственные и семейные ценности, память как ответственность – в центре повествований.

Рассказ Г. Доронина «День рождения» автобиографичен: «Все мои друзья разлетелись по разным городам, а теперь и странам, но всегда с бесконечной нежностью вспоминают землю нашего детства, нашу ненаглядную родину. <...> Для нас Родиной был Урал, таинственный лес над яром, улица Маншук Маметовой, родная школа номер 5. На улицу Маметовой 9 мая приходили люди и вспоминали, как они учились с этой девочкой в одном классе, и было нам странно: люди эти были еще совсем молодые, а оказывается, учились с Маншук, которая погибла давным-давно, еще до нашего с Куанышем рождения. Одна женщина в зеленой солдатской гимнастерке всё плакала и повторяла: “Родненькая, родненькая...”. Родиной были и мои друзья, мои босоногие, с поцарапанными коленками товарищи. Наша Родина всегда помнит о нас, зовет к себе, и мы, где бы ни жили теперь, навсегда верны ей. Нет на свете чудеснее ее» [5, с. 425–426].

Современная художественная литература всё чаще обращается к теме экологических катастроф и предлагает альтернативные пути развития цивилизации и существования человека (экотопии). Как выжить после катастрофы? Возможен ли мир в противостоянии мировых цивилизаций? Поэтому, видимо, и привлекают внимание зрителей звездные войны...

Неутешительны футурологические прогнозы Г. Доронина в романе «Реальность номер один», где автор «представляет картины жизни на земле в относительно недалеком будущем накануне экологической катастрофы, которая уничтожит всё. <...> Андроиды, разумные механизмы, генетические мутации и технические открытия не улучшили жизнь, а привели к еще большему социальному расслоению землян» [6, с. 146]. Роман-антиутопия вызвал большой читательский интерес.

Первый рассказ на обсуждение в Уральское литературное объединение, возглавлял которое Николай Корсунов, член Союза писателей СССР (работу над его романом «Высшая мера» благословил Михаил Шолохов. – С. А., К. Т.), начинающий автор принес из жанра фантастики. Герой – космонавт, добровольно остающийся на Марсе, так как ракета может вернуть на Землю только одного члена экипажа. Космонавт «уходит от корабля по красному песку, и тень его всё увеличивается и увеличивается в багровых лучах заходящего светила. Мне казалось, – вспоминает Г. Доронин, – что особенно здорово у меня получилось про тень и багровые тучи...» [7, с. 144].

Формирующаяся экологическая этика в центр ставит ценность выживания, сохранение условий для устойчивого существования человека в будущем. Мечтал об этом И. Ефремов в одном из лучших своих романов «Лезвие бритвы». Роман о духовном могуществе человека, о полете человеческого разума, о его торжестве, поисках красоты, любви и справедливости. Научные и философские проблемы писатель решает в жанре детектива, но главной движущей силой развития действия в романе является поступательная эволюция научных идей.

И. Ефремов вел читателя «по лезвию бритвы» в понимании красоты в себе и во Вселенной, сложности и многообразия мира. И в романе «Туманность Андромеды», герои которого мечтают о создании нового мира, красивого и радостного под зелеными лучами циркониевой звезды, прозаик предлагал свою, в отличие от зарубежных фантастических романов с межпланетными войнами, столкновениями и гибелью цивилизаций гуманистическую концепцию освоения космоса.

В центре повести Г. Доронина «Свет земной» – нештатная ситуация на Луне. Главная героиня Анна, наверное, была фаталисткой: «Страшилась она только одиночества, да и кто его не страшится? И кто знал, что оно выпадет ее

лютой судьбой?» [8, с. 234]. Тридцать семь месяцев отслеживает Анна траекторию заправочной цистерны, которая должна была прилуниться... Но мгновенно прервалась связь с Землей. «Онемел, ослеп и оглох весь эфир» [8, с. 236]. На станции, рассчитанной на десять человек, собрались семнадцать. Не пришел корабль за сменившейся командой, не прибыл очередной рейсовый челнок, не дождались цистерны с горючим. Вернуться на землю могут только семь человек, но и они погибают в разорвавшейся после старта ракете, распавшейся на тысячи сверкающих в земном свете осколков.

Одиночество обволакивает оставшихся «словно саваном». А в детстве Анны на Земле белые кудрявые облака накапливали в себе «голубой небесный огонь вперемешку с градом, озерной водой». Великолепные пейзажи рисует автор повести, стиль которой эволюционирует от акварельных, светлых оттенков к темным, мрачным на космической станции.

Запоминаются слова одного из персонажей произведения: «Как червяки в яблоке пожираем свою Вселенную». Ледяной космос. Мертвая земля. Сознание Алеши, возлюбленного Анны (герой ждет ребенка. – С. А., К. Т.), «помещает его в черное одиночество, пустоту, ледяной огонь, тоску, бесконечную как мертвый космос». Анна надеется, что у Антона «жизнелюбие сильнее ужаса еще невиданного одиночества» [8, с. 251]. Но на свой вопрос «Почему ты так хочешь умереть?» слышит в ответ: «Потому что я не могу ответить на вопрос: почему я должен жить?» [8, с. 254]. В условиях замкнутого пространства развивается расстройство психики, послекатастрофный синдром.

Концепт *станция – дом* только усиливает мотивы безразличия ко всему происходящему: «Рано или поздно в купол станции попадет крупный космический камень, и отремонтировать этот дом будет некому» [8, с. 238]; «Совершенно всё не имеет значения. Если оно лишено шансов на продолжение, оно бессмысленно. А бессмысленное – суть безумное...» [8, с. 239]. Пропадает интерес к жизни. Один за другим космонавты и обслуживающий персонал станции сводят счеты с жизнью.

Антон первый, обращаясь к Анне, решился произнести вслух: «Не обманывай себя: Земли больше нет... Не знаю, что случилось, но она мертва. Все приборы просто вопят об этом. Ночью в городах нет света, в атмосфере снижается содержание углекислого газа, что, вполне возможно, происходит от остановки всех автомобилей, заводов, кочегарок. <...> А визуально заметно: полюса затягивает странная зеленоватая дымка» [8, с. 240].

Земля покрывается дымкой... «Если приборы не фиксируют эту ползучую мерзость, это означает только одно – мы столкнулись с чем-то неизвестным... Ни мы, ни наши приборы не знают, что это такое... И это неведомое покончило с жизнью на Земле...» [8, с. 240].

О многом предупреждал нас современный автор, для которого свет земной во Вселенной так много значил... Имагологический дискурс его творчества (перемена места проживания) еще более усилил любовь к родной казахской земле. В «Глаголе прошедшего времени», жанр которого сам автор определил как «лирические записки о тех, кого не забуду», читаем: «Люблю наш славный город Уральск, чудесные речки – Урал, Чаган, Деркул... Всегда тоскую о них... Куда бы ни заносила меня судьба, и среди степных новостроек Астаны, и на берегах великих рек, и в горах Алатау, словом, везде и всегда мне не хватает моей Родины» [9, с. 286].

Мы убеждены в том, что проза и публицистика Г. Доронина, неповторимого мастера художественного слова, в переводе на казахский и белорусский языки в том числе – надолго в центре интересов читательской аудитории и отечественного литературоведения.

Литература

1. Абдрахманов С. «...Поехал я в Уральск» // Абдрахманов С. Коран и Пушкин. Астана: Елорда, 2006. С. 183–200.
2. Доронин Г. По Пушкинской дороге // Русские Казахстана. Алматы: СаГа, 2007. С. 4–28.
3. Можейко М. А. Семиотизация бытия в культурном пространстве постмодерна // Заман жене руханият / Времена и духовность. Сборник в честь 70-летия академика НАН РК С. А. Каскабасова. Алматы: Арда, 2010. С. 269–278.
4. Ананьева С., Савельева В. Русская литература // Современная литература народа Казахстана / Под ред. С. В. Ананьевой. Алматы: Evo Press, 2014. С. 70–158.
5. Доронин Г. День рождения // Казахстан в моей судьбе. Хрестоматия современной литературы / Отв. редактор С. Ананьева. Т. II. Проза. Алматы: Print Express, 2020. С. 418–426.
6. Савельева В. Предостережение настоящему // Простор. 2016. № 6. С. 145–154.
7. Доронин Г. Бершарал. Книга об Урале, Уральске и об уральцах // Доронин Г. Глагол прошедшего времени. Книга о любви и приключениях во имя ее. Алматы: Жазушы, 2006. С. 139–220.
8. Доронин Г. Свет земной. Астана, 2008.
9. Доронин Г. Глагол прошедшего времени // Доронин Г. Глагол прошедшего времени. Книга о любви и приключениях во имя ее. Алматы: Жазушы, 2006. С. 221–286.

ПАМЯТИ ДРУГА

Редакция республиканского литературно-художественного журнала «Простор» выражает глубокое соболезнование родным, близким и друзьям в связи с безвременной кончиной члена редакционного совета, выдающегося казахстанского прозаика, поэта, публициста, переводчика Адольфа Альфонсовича Арцишевского. Он прожил большую, достойную жизнь, оставив богатое литературное и журналистское наследие. До самых последних дней ум его был остр, речь мудра, душа смиренна. Уже будучи тяжело больным, Адольф передал нам в редакцию рукопись своей последней книги «Личное дело», которую мы обязательно издадим в Библиотеке «Простора». Это будет дань памяти нашему другу, учителю, прекрасному писателю и человеку Адольфу Арцишевскому.

